R 330/1424
т. 19

ЭБ

Отдѣльный оттискъ изъ Записокъ Восточнаго Отдѣленія
Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества.
Томъ XIX.

330
1424

Ѳ. КОРШЪ.

ДРЕВНѢЙШІЙ НАРОДНЫЙ СТИХЪ ТУРЕЦКИХЪ ПЛЕМЕНЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1909.

Отдѣльный оттискъ изъ Записокъ Восточнаго Отдѣленія
Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества.

Томъ XIX.

330
1424

Ѳ. КОРШЪ.

ДРЕВНѢЙШІЙ НАРОДНЫЙ СТИХЪ ТУРЕЦКИХЪ ПЛЕМЕНЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1909.

Печатано по распоряженію Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества.

Секретарь *Б. Фармаковскій.*

Всесоюзная библиотека имени В. И. Ленина
135-39
2007110867

Древнѣйшій народный стихъ турецкихъ племенъ.

(Посвящается В. В. Радлову).

Писецъ-художникъ, изсѣкшій на каменныхъ плитахъ надгробныя надписи Кюль-тегина и Бильге-кагана, царевичъ Йолыгъ-тегинъ, въ концѣ первой надписи обезсмертилъ свое имя слѣдующими словами:

«бунча бітіг бітігімä Кӱl-тегін атысы Јолыҕ-тегін бітідім. Јігірмі кӱн олурып бу ташka бу тамka kоп Јолыҕ-тегін бітідім».

Всякій, чей слухъ усвоилъ себѣ, хоть безсознательно, складъ турецкой пѣсенной рѣчи, легко уловитъ во второмъ изъ этихъ двухъ предложеній знакомый ритмъ или, пожалуй, два ритма, которые впрочемъ нерѣдко чередуются безо всякаго порядка:

⏑ ⏑́ ⏑ | –́	⏑́ ⏑ | –́
јігірмі кӱн	олурып
⏑́ ⏑ | ⏑́	⏑ ⏑́ ⏑ | ⏑́
бу ташka	бу тамka kоп
⏑ ⏑́ ⏑ | –́	⏑́ ⏑ –́
Јолыҕ-тегін	бітідім,

съ подчиненіемъ ударенія послѣднихъ слоговъ въ словахъ јігірмí и тамká ударенію слѣдующихъ за ними односложныхъ кӱн и kоп, что̀ мы увидимъ и въ нѣкоторыхъ изъ примѣровъ того-же стиха, приводимыхъ ниже. Такъ какъ употребленные въ этомъ примѣрѣ и въ слѣдующихъ просодическіе знаки краткости и долготы имѣютъ здѣсь музыкально-ритмическое значеніе нотныхъ ♪ и ♩, эти стихи относятся къ размѣру $^2/_4$, разложенныхъ по большей части на осьмыя и распредѣленныхъ такимъ образомъ, что каждый стихъ (или, по арабской терминологіи, міс̣рāʿ—полустишіе, а по музыкальной — предложеніе) начинается съ безударнаго приступа (ἀνάκρουσις, Auftakt) въ три или два слога (ноты). Само собою разумѣется, что вмѣсто знака долготы ($^1/_4$) почти вездѣ можно поставить знакъ краткости со знакомъ равнаго ей молчанія, напр. ⏑ (⏑), т. е. $^1/_8$ съ такой-же паузой. Послѣднимъ изъ разобранныхъ стиховъ Йолыгъ-тегина оканчивается и первая

часть его заключенія, а потому и въ ней можно предположить стихотворную форму. И мы ее найдемъ, если допустимъ въ его стихахъ весьма употребительное у Турокъ ускореніе выговора трехъ слоговъ до длительности двухъ, т. е. тріоль, и воспользуемся собственнымъ обозначеніемъ автора въ концѣ надписи на памятникѣ Бильге-кагана — Jолыӈ-тегін мән» = я, Й.—т.:

бунча бітіг	бітігімä
(мән) Кӱl-тегін	атысы
Jолыӈ-тегін	бітідім.

Не случайны, можетъ быть, и тѣ два стиха, которые слышатся при чтеніи 22-ой строки на восточной сторонѣ памятника Кюль-тегина:

öзä täӈрі	басмасар,
асра jер	täлінмäсäр

=«если небо не сокрушило, если земля не разверзлась», что̀ напрашивается на поэтическую форму.

Такихъ стиховъ — то ямбическаго склада со стяженіемъ внутри, то трохаическаго, состоящихъ изъ законнаго числа слоговъ (7) или какъ-бы удлиненныхъ тріолями—можно найти безконечное множество почти у всѣхъ турецкихъ племенъ, и потому само-собою разумѣется, что такой знатокъ турецкой народной словесности, каковъ В. В. Радловъ, не только обратилъ вниманіе на этотъ размѣръ, а и неоднократно описывалъ его въ своихъ трудахъ, начиная съ очерка турецкаго народнаго стихосложенія въ IV томѣ извѣстнаго журнала Zeitschrift für Völkerpsychologie. Трудно прибавить въ фактическомъ отношеніи что-нибудь существенное къ тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя даетъ этотъ ученый особенно въ предисловіяхъ къ нѣкоторымъ томамъ своихъ «Образцевъ литературы тюркскихъ племенъ», и цѣль настоящей статьи сводится преимущественно къ дополненію его изслѣдованій со стороны ритмической и отчасти исторической.

И такъ, не выходя пока изъ области древнѣйшей поэзіи восточно-турецкихъ племенъ, отмѣтимъ тотъ, кажется, еще не занесенный въ науку фактъ, что *чагатайскій*[1]) поэтъ XII в., Есеви, еще не покушавшійся на сложеніе будто-бы количественныхъ стиховъ по персидскимъ образцамъ, при-

1) Этотъ терминъ употребленъ здѣсь не въ томъ смыслѣ, какой придаетъ ему вполнѣ правильно А. Н. Самойловичъ въ своей статьѣ «Матеріалы по среднеазіатско-турецкой литературѣ» (Записки Вост. отд. И. Р. Арх. Общ. XIX, 1), а для обозначенія старой среднеазіатско-турецкой письменности вообще въ отличіе отъ уйгурской.

бѣгалъ иногда, именно въ концѣ своего дивана, начиная съ ḥікмат 97, къ 7-сложному стиху въ правильной ямбическо-трохаической формѣ, соединяя, но не сливая, по два такихъ стиха въ одинъ 14-сложный. Вотъ первая строфа этого стихотворенія:

хош ғајыбдын | јетўшті || јахшы сөзўм; | тәбәррўк!
ʿәшык болсаң, | ej ṭалыб, || рijәдәтдә | белің бөк!
тўн, кечәләр | ухламај || јаш орныға | каның төк!
арслан бабам | сөзләрін || ішітіңіз! | тәбәррўк!

Но у того-же Есеви есть 7-сложный стихъ и въ смѣшанномъ видѣ— то съ ямбическо-трохаическимъ движеніемъ, то съ трохаическимъ безъ соблюденія цезуры. Такова его 8-ая ḥікмат:

бī шәк білің: | бу дунjā || барча халкдын | өтәр-а;
ынан-ма-гіl | мāлыңа: || бір кўн колдын | кетәр-а.
ата, ана, | карындаш || кајан кетті? | фікір кыл.
төрт ајағлығ | чўбīн ат || бір кўн саңа | јетәр-а.
дунjā ўчўн | ғам је-мä, || ḥакдын өзгäні де-мä,
кіші мāлыны је-мä: || ṣырāṭ өзрä | тутар-а.
āhl-i-ʿäjāl, | карындаш, || һеч-кім бол-мај-дур јолдаш.
мәрдäнä бол, | ғарīб баш: || ʿөмрің jel-дік | өтәр-а.
кул хоҷ(а) Аḥмäд, | ṭāʿат кыл: || ʿөмрің бiлмäм | нäчä јыл;
аṣлың бiлсäң, | āб-і гўl || јäнä гўlгä | кетәр-а.

Народность этого стиха у Чагатайцевъ явствуетъ между прочимъ изъ употребленія его въ пословицахъ, напр.

куш чўјмäгäн куш чўјсä,
карға бiлä каз алур,

сохранившаяся у Абу-л-газы, впрочемъ съ измѣненіемъ формы «алур» въ «алдурур-ман» въ примѣненіи къ частному случаю. Возможно, что и уйгурскія пословицы такого склада скрываются напр. у Рабгузи.

Потомки восточныхъ Турокъ, перемѣшавшіеся съ сѣверными родичами, плохо намъ извѣстны со стороны своего словеснаго творчества.

Сравнительно хорошо мы освѣдомлены о народной литературѣ Таранчей, которой посвященъ VI томъ «Образцевъ» В. В. Радлова. Тамъ на стр. 168 въ сказкѣ Шім Тӧмӱр Батур встрѣчается пѣсня

ylyk суҕа сӓн бармаӊ!
бетіӊізнī тарӣмаӊ

и т. д. По видимому, къ тому-же стиху, но въ трохаической формѣ, восходитъ размѣръ риѳмованной пословицы (тӓмсіl) 7 (стр. 1):

аҕріkніӊ јаменī санӊіk,
ітніӊ јаменī kанӊіk,
атніӊ јаменī тӓпкӓк,
хотуннiӊ јаменī бӓргӓк.

Таковъ ритмъ разговорный; но если-бы Таранчѣ вздумалось пропѣть эту пословицу, онъ, вѣроятно, приравнялъ-бы всѣ ея стопы къ трохеямъ, кое-гдѣ съ тріолями, и при томъ съ нисходящимъ порядкомъ удареній, какъ напр. въ слѣдующемъ кумыцкомъ четверостишіи, почти сплошь силлабическомъ, гдѣ также не соблюдена обязательная въ такихъ 7-сложныхъ стихахъ цезура послѣ 3-го слога:

Мен-не сен-не бір ідік^{і},
Баwҕа біткен гуl ідік^{і};
шајтан араҕа кірді;
біз булај тугуl ідік^{і}.

Распространенность этого стиха у сѣверныхъ Турокъ видна изъ слѣдующихъ, сравнительно очень немногихъ примѣровъ.

Алтайская пословица (В. Радловъ, Образцы литературы тюркскихъ племенъ т. I, № 79):

kумаҕы јоk су полбос,
Кудајы јоk äl полбос,
јаkазы јоk тон полбос,
јакāны јоk јурт полбос

(также №№ 16, 18, 21, 33, 44, 51, 75, 77, 79). Ср. по формѣ начало *ногайской пѣсни* изъ разряда тѣхъ, которыя слывутъ у Кумыковъ подъ названіемъ Kазak jыр, т. е. не четверостишій (такмак), а болѣе длинныхъ стихотвореній дидактическаго или воинственнаго содержанія:

шаӈыл болмај таш болмас,
шаӈkak болмај буз болмас,
шапмај jӯрӯк сыналмас,
шаӈына jетмej ат болмас.

Алтайская повѣствовательная пѣсня Каӈза Пī (тамъ-же стр. 198):

Каӈзаныӈ мінӈän jäрäн ат
Камыш тӯда паш алды;
Камыш тӯдан чыkkанда
Казактыӈ ады паш алды

и т. д. въ четверостишіяхъ съ такими-же вольностями относительно числа слоговъ; но *лирическая* № 16 (стр. 230) сложена безукоризненно:

карылдыныӈ кырларын
каӈај-была чыӈаін!
каӈај-была мал тапсам,
калыӈ пајӈа садаім!

и т. д.

Алтайская загадка (стр. 239):

пӧкӧ кајыӈ кар jубас
= інäктіӈ мӯзӯ.

Казакъ-киргизская пословица:

ӌаксы атka бір камшы,
ӌаман атka міӈ камшы.

Казакъ-киргизская лирическая пѣсня, сложенная въ арабско-персид-

скихъ пятистишныхъ строфахъ (мухаммас), но турецкими стихами (т. III, стр. 341):

тӱндӧ ӈылап, кӱндӱз зар
мен ӈӱзӱӈгӧ ынтызар;
не себäптäн болдыӈ ӈар,
менӣ мундај ƙызып зар?
аƙылыӈ ајтсаӈ керäк-тӣ.

и т. д. въ такихъ-же строфахъ и съ обычнымъ у Турокъ превращеніемъ энклитики (тӣ=дір) въ ударяемое слово, подчиняющее себѣ въ просодическомъ отношеніи предшествующее слово (керäк), какъ и въ слѣдующей строфѣ:

бір ӈыл болды— ӈанар-мын

и т. д. Въ стихотвореніяхъ повѣствовательныхъ форма небрежнѣе, что̀ зависитъ отчасти отъ самой ихъ длины, но основной ритмъ бываетъ обыкновенно выдержанъ, напр. въ *кара-киргизской пѣснѣ* о Йолой-ханѣ (т. V, стр. 369):

Јолојдӱӈ атасы̆ Ноҕој екäн;
јорҕолоп јӱргӧн јаш баласы̆
Јолој ƙан дегäн бала екäн;
јегäн тамаƙƙа тојбодӱ,
ічкäн суҕа тојбодӱ.
торолӱп чы̆ƙты̆ бу Јолој

и т. д. Въ казакъ-киргизской сатирической пѣснѣ (т. III, стр. 1) обращаетъ на себя вниманіе правильная смѣна каждаго ямбическо-трохаическаго стиха нисходящимъ трохаическимъ:

ӧlӧӈтӱнӱ ӈаҕалај
«тал шыҕа-ды̆» деп едӣм,
тал шыбы̆ƙ-тај буралы̆п
«сал шыҕа-ды» деп едӣм,

(⏑́) ⏑ ⏑̇ ⏑|⏑́ ⏑̇ ⏑ | ⏑́ (⏑̇)|
соkkан беіт сыkы̆лды̆,
⏑́ ⏑ ⏑̇ ⏑| ⏑́ ⏑ ⏑̇ |
«ӱј шыҕа-ды̆» деп едӣм,
(⏑́) ⏑ ⏑̇ ⏑ | ⏑́ ⏑̇ ⏑| ⏑́ (⏑̇)|
kырkkан серкӓ буттаны̆п
⏑́ ⏑ ⏑̇ ⏑| ⏑́ ⏑ ⏑̇ |
«біј шыҕа-ды̆» деп едӣм,

гдѣ впрочемъ относительно ритма третьяго стиха можно сомнѣваться.

У *Барабинцевъ*, судя по матеріаламъ, собраннымъ В. В. Радловымъ, этотъ размѣръ встрѣчается рѣже, и при томъ съ такими вольностями, какія, можетъ быть, указываютъ на его разложеніе. Вотъ примѣръ изъ сказки объ извѣстномъ и Киргизамъ богатырѣ Козы-кӧрпӧц (Козы-кӧрпӓч), прозаической, но пересыпанной стихами (т. IV, стр. 14):

⏑ ⏑̇ ⏑ | ⏑́ ⏑̇ ⏑ | ⏑́
kaкылдашkан кӧп kарҕа
⏑ ⏑ ⏑̇ ⏑| ⏑́ ⏑̇ ⏑| ⏑́
kарымның мајын салдазы̆н!
⏑ ⏑̇ ⏑ | ⏑́ ⏑ ⏑ ⏑̇ ⏑ | ⏑́
ӓртӓ kалҕан мінӣң ӓр Козы̆м
⏑ ⏑̇ ⏑ ⏑ | ⏑́ ⏑ ⏑ ⏑̇ ⏑|⏑́
інді пір іскӓ тӱжӱрбӧ, кӓӱр?

За то у *Таринцевъ*, *Тобольцевъ*, *Тюменцевъ* легко найти въ томъ-же IV томѣ образцевые примѣры, подобные слѣдующему:

⏑ ⏑̇ ⏑ | ⏑́ ⏑ ⏑ | ⏑́
ӓwӓl башлāп ні біттӣ?
⏑ ⏑̇ ⏑| ⏑́ ⏑̇ ⏑ | ⏑́
кӱн біттӣ дӓ̄ ај біттӣ

и пр. Встрѣчается и отмѣченный выше чистый трохаическій ритмъ въ свободномъ чередованіи съ ямбическо-трохаическимъ, примыкающій къ восходящимъ трохеямъ при посредствѣ соотвѣтственной паузы, какъ въ *ишимской* повѣствовательной пѣснѣ (стр. 189):

⏑̇ ⏑ | ⏑́ ⏑ ⏑̇ ⏑| ⏑́
Кырамша бір кӱl ідӣ,
⏑̇ ⏑| ⏑́ ⏑ ⏑̇ ⏑| ⏑́ (⏑̇|⏑́)
сајраса, бӱlбӱl ідӣ.
⏑ ⏑̇ ⏑| ⏑́ ⏑̇ ⏑ | ⏑́
Кырамшаны̆ ӱ̄lтіргӓн
⏑ ⏑̇ ⏑| ⏑́ ⏑̇ ⏑| ⏑́
Бітпаk Шарап kул ідӣ

и т. д. Даже въ прозаической сказкѣ «Алҕасар» (стр. 188—189) попадаются отдѣльныя предложенія такого склада, какъ

ā̆ңны сојып ā̆лдылар,
ä̆wгä ā̆лып бā̆рдылар

и т. п.

У ближайшихъ по языку къ прі-иртышскимъ Татарамъ *Казанцевъ* и *Мещеряковъ* тотъ-же стихъ очень употребителенъ въ пѣсняхъ, иногда не безъ нѣкоторыхъ отступленій отъ нормальной схемы, напр.

быјыл кіскäн бӱрäнäм
јарар м-ікäн матчаҕа?
бӣздäн салам сӣз äјтӣгӣз
бӣргä ӱскäн kартларҕа,

гдѣ для полной правильности сто́итъ лишь выкинуть несущественное сӣз. Съ трохаическими стихами:

ікӣ Татар кіlä-дӣр,
kајынсарҕа јітä-дӣр:
«kајынсарның kаkысын
бӣз ашар-быз татласын,
јат аулның kызларын
бӣз алыр-быз јаkшысын»,

если только формы аша́р-быз и алы́р-быз поются здѣсь не съ удареніемъ на энклитикѣ, какъ кіlä́-дӣр и јітä́-дӣр.

Оттуда у Чувашей, по большей части вполнѣ правильно, какъ видно напр. изъ слѣдующей рекрутской пѣсни, обнародованной, какъ и приведенныя казанскія, Золотницкимъ:

Хвеl-вітрä хӣрь корнать,
äбірь іläс хӣрь сьава;
сьу́лдыр-вітрä сьол корнать,
äбірь кајас сьол сьава;
ојых-вітрä ој корнать,
äбірь вурзьас ој сьава.

Въ прозаическомъ наговорѣ отъ головной боли:

ылдым карда ыжыньчӑ,
ылдым joба туррыньчӑ.

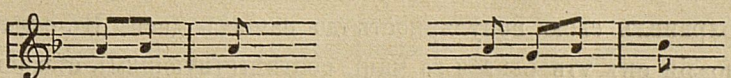
Чуваши, при всѣхъ своихъ отличіяхъ отъ прочихъ Турокъ, по звукамъ и формамъ своего языка подходятъ ближе къ сѣверной вѣтви турецкаго племени. Чтобы закончить обзоръ употребленія 7-сложнаго стиха у народовъ этой вѣтви, остается еще разсмотрѣть этотъ стихъ въ народной поэзіи Турокъ сѣвернаго Кавказа — Ногайцевъ (живущихъ отчасти и въ Крыму), Кумыковъ и Карачаевцевъ, изъ которыхъ послѣдніе подверглись довольно значительному черкесскому вліянію, однако сохранили немало и турецкой старины. Между этими Турками 7-сложный стихъ въ риѳмованныхъ четверостишіяхъ (takmak) и въ болѣе или менѣе длинныхъ пѣсняхъ (jыр) съ риѳмой или безъ риѳмы рѣшительно преобладаетъ надъ другими размѣрами, впрочемъ весьма немногочисленными. Одинъ ногайскій примѣръ былъ уже приведенъ выше ради сравненія съ алтайскимъ, несомнѣнно родственнымъ ему по фактурѣ. Вотъ кумыцкій takmak изъ ямбическо-трохаическихъ стиховъ:

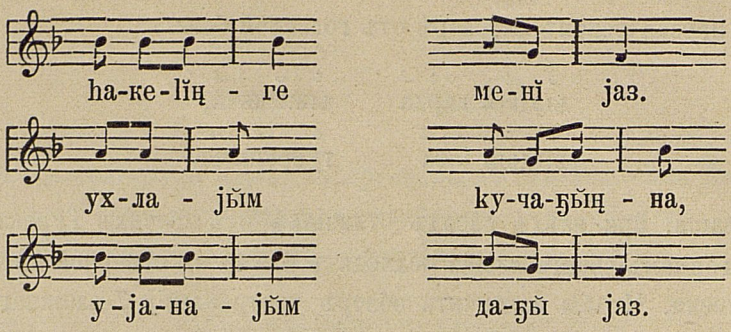
бір апасы менікі,
ікі шаjї сенікі;
малны малҕа кошаjыk,
адамлаҕа ошаjыk.

То-же съ удареніемъ на энклитикѣ, которое слышится только въ пѣніи:

кокте jулдуз нече-дїр?
сенсіз гунӱм гече-дїр;
сені хумар гозlерің
мені каным іче-дїр.

То-же съ правильнымъ чередованіемъ стиховъ трохаическихъ и ямбическо-трохаическихъ приблизительно по такому напѣву:





Впрочемъ нельзя поручиться за то, что иной пѣвецъ не подгонитъ и этотъ takmak подъ одну мѣрку съ тѣмъ, который приведенъ выше въ параллель къ таранчинской пословицѣ. Такая ритмизація, т. е. не по восходящимъ, а по нисходящимъ трохаическимъ диподіямъ, какъ въ полькѣ, при чемъ иногда, какъ у Есеви, нарушается цезура, часто слышится тамъ, гдѣ оба склада 7-сложнаго стиха чередуются безо всякаго порядка, да еще при нѣкоторой натяжкѣ въ удареніяхъ, особенно если первый стихъ сложенъ трохаически, напр.

(улан:)

aj-mŭ-san, jулduz-mŭ-san?
katŭn-mŭ-san, kŭz-mŭ-san?
tŭшejĭm-mĭ kalkŭdan?
sen ŭjde jaңgŭz-mŭ-san?

(kŭz:)

aj tugul-men, julduz-man,
katŭn tugul-men, kŭz-man.
atŭlŭp tŭш kalkŭdan:
men ŭjde jap-jaңgŭz-man.

Трохаическій складъ 7-сложнаго стиха, но восходящій, слышится въ кумыцкой пословицѣ:

teңgir-den jawa буса,
terekten ikі jawa.

У *южныхъ Турокъ*, не смотря на персидское вліяніе, которое въ большей или меньшей степени охватило ихъ всѣхъ, древній 7-сложный стихъ сохранилъ свою популярность до нашихъ дней. Въ *османской* народной поэзіи онъ утвердился за мани, соотвѣтствующимъ сѣверно-кавказскому takmak, напр. (т. VIII, стр. 458):

Гökте jылдыз бін тане.
elмас істер гердене.
бенім гібі kул герек
сені гібі султана [1])

или въ трохаическомъ складѣ (стр. 438):

aj до'ар ajан ajан.
jолуна дўштўм jajан.
дўшўмде гörмез ікен
kojнуна гірдім ујан.

То-же силлабически, безъ цезуры и, вѣроятно, съ нисходящими дiподіями, — конечно, при пѣніи, хотя приводимый ниже примѣръ взятъ не изъ мāні, а изъ пѣсни въ сказкѣ (стр. 284):

Ali гözў, kыз гözў
jакты, jандырды бізі.
парма'ы jўзўk jері,
kолу бilезік jері.

Тотъ-же размѣръ въ обоихъ видахъ нечуждъ и другимъ произведеніямъ народной словесности Османцевъ, напр. въ пословицѣ, очевидно, старой

ok jарасы оңылыр,
dil jарасы оңылмаз,

которая употребительна и въ Азербайджанѣ съ замѣной устарѣлаго глагола болѣе понятнымъ — саӈылар и саӈылмаз; въ загадкѣ (= лимонъ)

бір кўчўӈўk фычыӈык,
ічінде бір туршуӈук

и т. п.

И у *Гагаузовъ* есть мāні по османскому образцу, иногда безукоризненно правильныя, напр. (т. X, стр. 324):

---

1) Вѣроятно, изъ Малой Азіи, и при томъ изъ такой мѣстности, гдѣ *е* звучитъ въ самомъ дѣлѣ какъ *ä*, по-азербайджански, близко къ русскому *а* въ словѣ *часть*, и потому вторгается даже въ такія формы, какъ дат. п. отъ *султан*. Вмѣсто *істер* не читать-ли *астыр* «повѣсь»?

◡ ◡̇ ◡| ⏑́	◡̇ ◡ | ⏑́
чыбуk узун,	тӱтӱн аз.
јетäр јетін	бана наз.
іl бір ölцӱк,	јöпејім;
сана јетсін	бӱтӱн јаз.

Тотъ-же стихъ въ загадкѣ (73 = печь — стр. 271):

◡ ◡̇ ◡| ⏑́	◡̇ ◡| ⏑́
чорт отуру	чорт гібі,
āзы kара	kурт гібі.

Крымскіе Турки или, какъ обыкновенно говорится, Татары въ своемъ народномъ творчествѣ, чѣмъ ближе къ Черному морю, тѣмъ ближе и къ Османцамъ. Караимы держатся старыхъ турецкихъ образцевъ чуть-ли не еще крѣпче, нежели мусульмане, болѣе доступные вліянію Турціи съ ея персидскими модами. Вотъ напр. караимская загадка (48 = яблоко — т. VII, стр. 375):

◡ ◡̇ ◡ | ⏑́	◡̇ ◡| ⏑́
јешіl јапраk	салланыр,
◡ ◡̇ ◡ | ⏑́	◡̇ ◡ | ⏑́
салландыkча	алланыр,
◡̇ ◡ | ⏑́	◡ ◡̇ ◡ | ⏑́
kызармыш,	ал ал олмуш,
◡ ◡̇ ◡| ⏑́	◡̇ ◡| ⏑́
цӱмlе оңа	хошланыр.

Караимская пословица (194 — стр. 397):

◡ ◡̇ ◡| ⏑́	◡̇ ◡| ⏑́
земаненің	азҕыны:
kарҕа бінер	kузҕуну,

съ которой сто́итъ сравнить пословицу сартскую

◡ ◡̇ ◡ | ⏑́	◡̇ ◡| ⏑́
замананның	азҕаны:
äшäк аттан	озҕаны.

Любопытно уже видѣнное нами у Киргизовъ послѣдовательное чередованіе двухъ ритмически противоположныхъ формъ того-же стиха въ пѣснѣ (тӱркӱ), вставленной въ сказку (стр. 344):

◡ ◡̇ ◡ | ⏑́	◡̇ ◡ ⏑́ (⏑̇)|
бір діректе	екі нар;
⏑́ ◡ ◡̇ ◡|	⏑́ ◡ ⏑̇ | (⏑́)
гӧрмедің-мі	сен, бабам?
◡ ◡̇ ◡| ⏑́	◡̇ ◡| ⏑́ (⏑̇) |
аһты іман	ідішіп
⏑́ ◡ ◡̇ ◡|	⏑́ ◡ ⏑̇ |
дурмадың-мы	сен, бабам?

и т. д. съ риѳмой черезъ стихъ. Но чаще въ четверостишіи риѳмуются потри стиха — первый со вторымъ и съ третьимъ, какъ на стр. 329, 330, 333, 334 и др.

Сборники пѣсенъ *азербайджанскихъ* (изъ Закавказья) не даютъ почти никакихъ образчиковъ 7-сложнаго стиха, что̀ и понятно при господствѣ тамъ пѣсенъ персидскаго склада или близкаго къ персидскому. Но чисто турецкая форма пѣсенъ встрѣчается и тамъ и еще чаще встрѣчалась прежде. Одну такую плясовую пѣсню:

пäнцäрімä гӱн дӱшті

упоминаетъ, но, къ сожалѣнію, только упоминаетъ, Александръ Бестужевъ (Марлинскій) въ повѣсти «Мулла-Нуръ», какъ общеизвѣстную въ его время. Въ Тебризѣ и теперь поютъ напр.

kaljанун бäjах чäктім,
долдурдум, бäjах чäктім.
jарі бі-вäфа гӧрдӱм,
jолуннан ajах чäктім.

Во всякомъ случаѣ за популярность 7-сложнаго стиха между Турками, говорящими на языкѣ азäрі, по крайней мѣрѣ, еще нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ, ручается широкое распространеніе этого размѣра въ пословицахъ, отчасти общихъ съ Османцами, какъ приведенная выше или какъ очень употребительная:

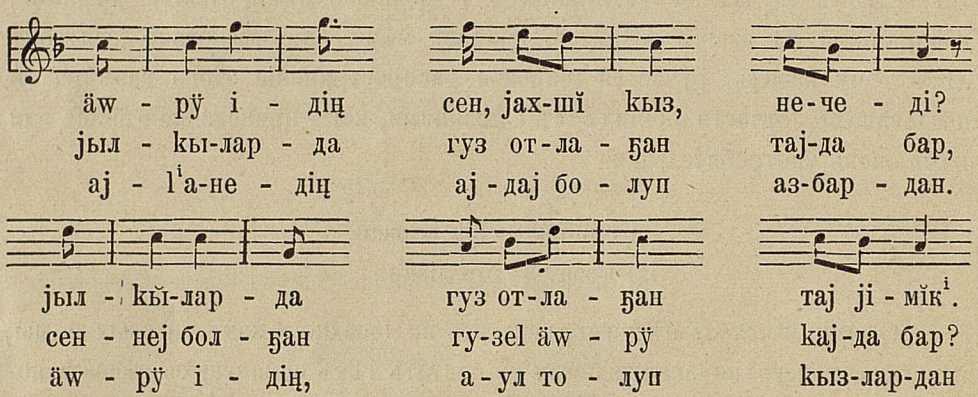
ікі ешшäк — бір карван,
ікі арват — бір діван.

О *туркменскихъ* пѣсняхъ, какъ это ни досадно и какъ ни стыдно, мы, кажется, ничего не знаемъ, если не считать тѣхъ османскихъ пѣсенъ, которыя слывутъ за туркменскія, вѣроятно, по мѣсту ихъ происхожденія, но не могутъ считаться такими по языку. Эти пѣсни сложены другими размѣрами, по большей части спеціально османскими. Но между ними нѣтъ плясовыхъ; а въ такихъ-то и можно ожидать 7-сложнаго стиха[1]).

1) Такой отзывъ о нашихъ свѣдѣніяхъ въ области туркменской народной словесности долженъ показаться незаслуженно строгимъ въ виду заявленій А. Н. Самойловича о бѣдности Туркменъ по части чисто-народной пѣсни и объ ихъ равнодушіи къ пляскѣ (см. его статью, упомянутую выше, и его «Туркменскія развлеченія» въ Ежегодникѣ Спб. Антропологическаго Общества, примѣч. 7); но его свидѣтельства, какъ и показанія другихъ путешественниковъ по туркменской степи, касаются, по видимому, однихъ мужчинъ, а вся бытовая сторона жизни гораздо дольше и лучше сохраняется у женщинъ.

По видимому, совсѣмъ неизвѣстенъ 7-сложный стихъ у Абаканцевъ, Карагасовъ и вообще у этой сѣверо-восточной группы турецкихъ племенъ, перемѣшанныхъ отчасти съ Самоѣдами, отчасти съ Монголами и представляющей въ своихъ нарѣчіяхъ какъ-бы сліяніе чертъ восточно-турецкихъ съ алтайскими. Впрочемъ отсутствіе этого размѣра или только случайное его появленіе между инородными стихами происходитъ, можетъ быть, отъ характера немногихъ записанныхъ тамъ пѣсенъ, почти исключительно повѣствовательныхъ, напоминающихъ своимъ складомъ малорусскія «думы», подобно такимъ-же пѣснямъ и на Алтаѣ. Какъ-бы то ни было, 7-сложный стихъ, и при томъ преимущественно въ формѣ ямбическо-трохаической, оказывается несомнѣнно достояніемъ еще пра-турецкаго племени.

Къ той-же эпохѣ можетъ относиться и превращеніе 7-сложнаго стиха въ 11-сложный посредствомъ повторенія его ямбической части въ началѣ или въ концѣ. Первый видъ очень употребителенъ на *сѣверномъ Кавказѣ*, гдѣ служитъ обычною формой болѣе или менѣе длинныхъ пѣсенъ лирическаго и дидактическаго содержанія (јыр по преимуществу) и нерѣдко встрѣчается въ заплачкахъ (јас = арабск. ја'с отчаяніе). Вотъ типическій образчикъ *кумыцкой* пѣсни этого склада съ напѣвомъ, изъ котораго ясно виденъ основной ритмъ такого стиха:


äw - рӱ і - дің сен, јах-шї кыз, не-че - ді?
јыл - кы-лар - да гуз от-ла - ҕан тај-да бар,
ај - l^{i}а-не - дің ај - дај бо - луп аз-бар - дан.
јыл - кы̆-лар - да гуз от-ла - ҕан тај јі - мїк^{i}.
сен - нej бол - ҕан гу-зel äw - рӱ кај-да бар?
äw - рӱ і - дің, а - ул то - луп кыз-лар-дан

и т. д. Тотъ-же размѣръ довольно обыченъ и въ *османскихъ* народныхъ и и полу-народныхъ стихахъ и пѣсняхъ, напр. въ крымской сказкѣ объ Ашикъ-Гарибѣ, изобилующей стихами (т. VII, стр. 257):

Кара гӧзlӱм, бен бу јерден гідерсем,
еjі гечін ешің достуң јареңlän[1])

и т. д. Другой вопросъ, какъ-бы ритмизировалъ эту пѣсню профессіо-

1) јарың-län?

нальный пѣвецъ: вѣрно замѣтилъ Фабо (B. Fabó въ Keleti szemle VII,1 стр. 122), что въ османскихъ пѣсняхъ напѣвъ иногда совсѣмъ не соотвѣтствуетъ стихотворному размѣру. Это зависитъ отъ переноса напѣвовъ, отчасти персидскихъ, съ одной пѣсни на другую, да еще съ музыкальными вычурами и съ прибавками нейдущихъ къ дѣлу словъ, что̀, конечно, способствуетъ не только порчѣ стиховъ, а и притупленію ритмическаго чутья пѣвцовъ и самихъ слагателей пѣсенъ. Наиболѣе устойчивъ бываетъ этотъ размѣръ у Османцевъ тогда, когда трохаическій конецъ стиха, вѣроятно, по музыкальнымъ условіямъ, кажется не частью того-же стиха, а какъ-бы припѣвомъ, напр. (т. VIII, стр. 535):

◡ ◡̇ ◡| ◡̇	◡◡̇ ◡| ◡̇	◡̇ ◡| ◡̇
акшам олур,	тауk чыkар	тарлара,
ашыk олур	машуkуна	јалвара:
«он беш алтын	вердім ц̣анфес	шалвара,

— пѣсня, извѣстная и въ Азербайджанѣ. Иногда трохаическая часть и въ самомъ дѣлѣ замѣняется безсмысленнымъ припѣвомъ того-же склада, напр. (стр. 536):

◡ ◡̇ ◡ | ◡̇	◡ ◡̇ ◡ | ◡̇	◡̇ ◡| ◡̇
арпа ектім,	дары чыkты —	шынанај,
бір kыз алдым,	kары чыkты —	шынанај

и т. д.[1]).

Чуть-ли не еще употребительнѣе другой видъ 11-сложнаго стиха — съ трохаической частью въ серединѣ. Такой ритмъ слышится иногда въ четверостишіи *средне-азіатскаго* происхожденія, тујуӄ, напр. у сивасскаго *Османца* XIV в., Ахмеда Бурхан-эд-дина (тујуӄ 2 по изданію Меліоранскаго въ «Восточныхъ замѣткахъ» стр. 142):

◡ ◡̇ ◡| ◡̇	◡̇ ◡| ◡̇	◡̇ ◡̇ ◡| ◡̇
х̣аkа шӱкӱр,	kочларуӊ	дӓвра̄ні-дӱр;
ц̣ӱмlӓ ʿālӓм	бу дӓмӱӊ	х̣ејра̄ні-дӱр;
гӱн батардан	гӱн тоӄан	јерӓ дӓгін
ʿышk ӓрінӱӊ	бір нӓфӓс	сејра̄ні-дӱр

съ удареніемъ на энклитикѣ, примѣры чего мы видѣли выше. Подобно

1) Можетъ быть, «шын — анај», такъ какъ есть припѣвъ анај, ај нанај, ананај; ср. кумыцкій таkмаk о припѣвахъ у Лезгинъ, у Чеченцевъ и у Кумыковъ:

Таwлӱлар «талај-тулај»,
Мычіӄы̆шлар «іlіалай»,
Кумӱkлӱ баш сары̆н̣на
«анај» десем, «ај-нанај».

Баш сары̆н̣ — первая пѣсня въ собраніи аульной молодежи (ц̣іӣм).

тому, какъ ямбическо-трохаическій 7-сложный стихъ иногда выравнивается въ трохеи, стихъ туюга также можетъ приближаться къ восходяшему трохаическому складу, откуда другой, также нерѣдкій, типъ этого стиха, напр. (тамъ-же, тујуҕ 1):

ӓзӓlдӓ Ẓаk нӓ јазмыш-ыса, болур,
гӧз нӓні-кі гӧрӓц̣ӓк-ісӓ, гӧрӱр.
ікі ʿālамдӓ Ẓаkа сыҕынмыш-уз;
Тохтамыш нӓ ола јā Ахсах-Темӱр?

Любопытно сходство этого стиха съ великорусскимъ трех-стопнымъ, излюбленнымъ скоморохами, напр.

Ты поди, моя коровушка, домой, —

сходство, можетъ быть, не случайное, судя по тому, что тотъ-же размѣръ въ томъ-же самомъ ритмѣ есть и у другихъ Турокъ, именно у западно-сибирскихъ, напр. въ таринской свадебной пѣснѣ (IV, стр. 308 слѣд.):

јіl ӱрсӓ, kамыш башы шаwшырдашыр,
kыс, ӯлан бојҕа јітӣп kылҕылашыр

и т. д. безъ уклоненій, такъ какъ въ послѣднемъ стихѣ, вѣроятно, надобно читать не «халk», а «халыk». Разница между этимъ видомъ турецкаго 11-сложнаго стиха и соотвѣтствующимъ ему русскимъ состоитъ, по видимому, въ томъ, что первый допускаетъ сокращеніе числа слоговъ довольно рѣдко и только въ началѣ первой стопы (послѣ перваго тактоваго ударенія) и въ началѣ второй, напр. въ 28-ой строфѣ киргизской полуискусственной поэмы Бос ц̣ігіт кытабы (т. III, стр. 345):

тӱсӱ̆ндӧ бу kыз ц̣ырлап аіп болдӱ;
ц̣ігіттӣц̣ кӧкрӧгӱ̆нӧ kајҕы̆ толдӱ.
бар едӣ бір досӱ ц̣аннан арты̆k;
тац̣ ертӓн бары̆п оҕан ары̆з kылды̆,

а во второмъ это сокращеніе наблюдается очень часто, особенно къ концу, напр.

Онъ купилъ мнѣ коровушку,
Загубилъ мою головушку,

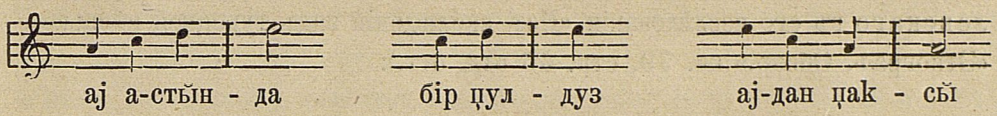
а иногда захватываетъ и два начальныхъ слога до полнаго ихъ устраненія, какъ:

Тёща къ обѣднѣ спѣшитъ

въ старой пѣснѣ

У Спаса къ обѣднѣ звонятъ

и пр. Подлинный ритмъ 11-сложнаго стиха съ ямбами въ началѣ и въ концѣ и съ трохаической частью въ серединѣ виденъ напр. изъ слѣдующей *киргизской* пѣсни, которая поется приблизительно такъ:



и т. д. То-же въ киргизской свадебной пѣснѣ, но въ первыхъ двухъ стихахъ — съ удареніемъ на энклитикѣ, какъ видно изъ сравненія съ послѣдующими стихами (т. III, стр. 12):

kара судў	ҷаҕалај	kаз бара-ды;
анасынан	аірылып	kыз бара-ды.
kара суҕа	kан kујсаҥ,	аҕар кетäр,
ҷат кісїгä	kыз берсäҥ,	алар кетäр.

Въ другой такой-же пѣснѣ то-же съ припѣвомъ послѣ каждаго стиха (стр. 7):

бір толарсаk,	бір тобуk	санда болар	—ҷар ҷар!
kырk кісїнїҥ	аkылы	kанда болар	—ҷар ҷар!

и т. д. Тотъ и другой видъ 11-сложнаго стиха безо всякаго порядка и съ нѣкоторыми натяжками относительно ударенія является въ слѣдующемъ *азербайджанскомъ* (закавказскомъ) стихотвореніи:

аврäт етді	шур Адäміҥ	бäхтіні,
аврäт алдырды	Суlејман	тäхтіні,
аврäт іді	Дауды	налан едäн,
аврäт іді	Јусуфі	ҳäпсä салан.
ітä једір,	аврäтä	једір-мä нан:
іт біlўр нан	вä нäмäк,	біlмäз зäнан.

Но нельзя отрицать, что тѣ-же слова могутъ быть прочтены или пропѣты по другому ритму, а именно:

аврӓт етді шур	Адӓміӊ бӓхтіні,
аврӓт алдырды	Сулејман тӓхтіні,
аврӓт іді	Дауды налан едӓн

и т. д. Таковъ обыкновенный ритмъ 11-сложнаго стиха въ *османскихъ* и въ *азербайджанскихъ* пѣсняхъ, напр. (по надежной записи Вл. А. Гордлевскаго въ его изслѣдованіи «Изъ наблюденій надъ турецкой пѣснью»— «Этнограф. Обозр.» кн. 79, стр. 46 отд. отт.):

јӱӊе дā башында	јанар бір ішік,
ішік дејіl,	ону јакан бір ашік.
гелін, сачін сары,	зӱlфӱн долашік,
долаш-та гел	дерјалары, севдіјім!

Это уже силлабизмъ, построенный однако на болѣе или менѣе опредѣленномъ ритмѣ. Но если извѣстный ритмъ выдерживается лишь въ общихъ чертахъ, хотя составляетъ необходимое условіе даннаго стиха, точный счетъ слоговъ становится лишнимъ стѣсненіемъ. И вотъ на ряду съ 11-сложными стихами появляются 12-сложные, со вставкой слога именно тамъ, гдѣ его недостаетъ для полнаго выраженія всѣхъ составныхъ частей ритма слогами, напр. въ *таринской* пѣснѣ (т. IV, стр. 170):

тӱ̄рт оwрылар	јӱрӣтігӓч	јалаӊларда
ікӓ kара	кӱ̄рдӣlӓр	алар анда;
аӊа тӓмӓн	јӱрдӣlӓр	тӱ̄рт оwрылар:
«кім булса-да,	бізгӓ олӊа	булар індӣ

и т. д. съ індӣ въ концѣ каждаго четверостишія. Таковъ-же складъ *ногайскихъ* историческихъ пѣсенъ, но съ большей свободой въ построеніи стиховъ, напр. (по рукописи):

Ӊајыkныӊ	арыӈы јаӈы	kурӈан деӊіз.
деwlеті	хан ӱстӱнде	турӈан деӊіз.

Адіl бірlän Меңlӱ Гіреј бај де-ме-ңіз,
бајлыкдан озуб кеткен бір хан деңіз.
ʿАдіl мынан Меңlӱ Гіреј ај шікеlli;
ондан јахшы тӧрä бар кај шікеlli?

и т. д.

И такъ, сто́итъ только вставить одинъ слогъ, недостающій при обыкновенномъ ритмѣ 11-сложнаго стиха послѣ перваго или второго тактоваго ударенія,—и получится ямбическій стихъ, говоря эмпирически, шестистопный или, выражаясь научно, трехстопный изъ восходящихъ диподій. Однако этотъ размѣръ, попадающійся нерѣдко между 11-сложными стихами, не пріобрѣлъ, по видимому, самостоятельнаго значенія. За то 8-сложный ямбическій стихъ, происшедшій такимъ-же образомъ изъ 7-сложнаго, занялъ въ народномъ турецкомъ стихосложеніи особое мѣсто, болѣе близкое къ 11-сложному стиху, чѣмъ къ 7-сложному, такъ какъ, по крайней мѣрѣ, въ четверостишіяхъ онъ вообще не употребляется. У *сѣверныхъ Турокъ* онъ встрѣчается рѣдко и то какъ-бы случайно, при другихъ размѣрахъ, напр. въ *таринской* пѣснѣ (т. IV, стр. 265):

таң атарын таук біläр,
кӱн цыҕарын кäӱк біläр,
алыс-бӣlän јоукны јӯртkан біläр,
ацы-бӣlän цӱцӱнӱ таткан біläр,
іlінӣң јакшыларын јаткан біläр.

Да и то сомнительно, такъ какъ эта пѣсня допускаетъ и другую ритмизацію, почти тождественную съ русскимъ былиннымъ стихомъ (4/4):

Безъ сомнѣнія, случайно является 4-стопный ямбъ въ *таранчинской* пѣснѣ (т. VI, стр. 201):

Хума хан | обдан баlа || чечӣ аз ікäн,
Хума ханнің | тäккäн äрӣ || бешı таз ікäн

и пр. Но у *южныхъ Турокъ* этотъ размѣръ очень употребителенъ, напр. въ

извѣстной *османской* пѣснѣ, изображающей разговоръ влюбленной Туркменки съ княжескимъ сыномъ:

⏑ ⏑́ ⏑| ⏓́ ⏑ ⏑́ ⏑ | ⏓́
бен бабамын евін јыктым,
⏑ ⏑́ ⏑ | ⏓́ ⏑ ⏑́ ⏑ | ⏓́
беш бін алтун алуп чыктым,

хотя дальше идетъ менѣе правильный стихъ

(⏑́) ⏑| ⏓́ ⏑ ⏑́ ⏑| ⏓́ ⏑ ⏓́ |
дӧнӱп-те ардыма бактым

передъ ритмически-вѣрнымъ

(⏓́) ⏑ ⏑́ ⏑|⏓́ ⏑⏑́ ⏑| ⏓́
бін, гідеlім, бејім-ōлан;

а еще ниже — чисто силлабическій

⏑́ ⏑| ⏓́ ⏓́ ⏓́ ⏑́ ⏑| ⏓́
сабаḥын сеḥер јылдызы.

И вообще силлабическій, подобный романскому строй 8-сложнаго стиха въ османской народной поэзіи встрѣчается очень часто, напр.

⏑́ ⏑| ⏓́ ⏓́ ⏓́ ⏑́ ⏑ | ⏓́ (⏓́ ⏓́)
Плевненін топлар атылды,
⏓́| ⏓́ ⏑́ ⏑ ⏓́ ⏑́ ⏑ | ⏓́ (⏓́ ⏓́)
Іслам Булҕара катылды.
⏑ ⏑́ ⏑ | ⏓́ ⏓́ ⏓́ ⏓́| ⏓́ (⏓́ ⏓́)
хабер олсун, султан Ḥамід:
⏓́| ⏓́ ⏑́ ⏑ ⏓́ ⏑́ ⏑ | ⏓́
Урум еllері сатылды.

Такъ-ли поется эта пѣсня въ дѣйствительности, вопросъ иной; но въ естественности такого ритма для 8-сложныхъ стиховъ восходящаго строя можно убѣдиться хотя-бы путемъ сравненія этой строфы съ Марсельезой, особенно перваго стиха со стихомъ

⏑́ ⏑ | ⏓́ ⏓́ ⏓́ ⏑́ ⏑| ⏓́
L'étendard sanglant est levé,

второго со стихомъ

⏓́| ⏓́ ⏑́ ⏑ ⏓́ ⏑́ ⏑| ⏓́
Mugir ces féroces soldats,

третьяго — со стихомъ

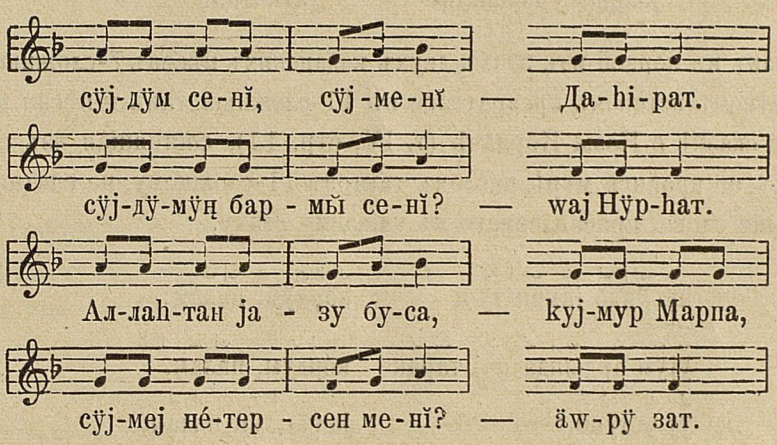
⏑ ⏑́ ⏑| ⏓́ ⏓́ ⏓́ ⏓́| ⏓́
Le jour de gloire est arrivé.

Въ пѣніи азербайджанскихъ ашиковъ сквозь персидскія фіоритуры— чтобы не сказать: завыванья — по большей части ясно слышится ямбиче-

скій складъ 8-сложнаго стиха, напр. въ пѣснѣ, часто раздававшейся въ Закавказьѣ лѣтъ 50 тому назадъ:

◡ ⏑́ –́ | –́	◡ ⏑́ –́ | –́
онун јолы	ҷејран олыр,
◡ ⏑́ –́ | –́	◡ ⏑́ –́ | –́
оны гӧрӓн	х̣ејран олыр.

И такъ народные турецкіе стихи страдаютъ часто погрѣшностями противъ ритмической разстановки удареній и противъ законнаго числа слоговъ, вполнѣ понятными у поэтовъ и пѣвцовъ, не прошедшихъ никакой школы и воспроизводящихъ свои и чужія пѣсни только устно, а иногда импровизирующихъ свои произведенія. Къ этимъ естественнымъ, внутреннимъ причинамъ могутъ присоединяться внѣшнія въ видѣ чужихъ вліяній, навязывающихъ заносные напѣвы и съ ними инородные ритмы и особые пріемы пѣнія. Вѣроятно, для того, чтобы подогнать родную пѣсню къ чужому напѣву, стихи распространяются посторонними прибавками. Если такія прибавки являются лишь послѣ стиха, бѣда отъ этого для первональнаго ритма не велика, какъ напр. когда Кумыки поютъ свои четверостишія такимъ образомъ, придавая имъ впрочемъ однообразное нисходящее трохаическое движеніе:


сӱј-дӱм се-нї, сӱј-ме-нї — Да-hi-рат.
сӱј-дӱ-мӱӊ бар - мы̆ се-нї? — waj Нӱр-hат.
Ал-лаh-тан ја - зу бу-са, — kyj-мур Марпа,
сӱј-меј не́-тер - сен ме-нї? — äw-рӱ зат.

Но вставки въ серединѣ стиха неизбѣжно отражаются на его ритмѣ. Такъ напр. четверостишіе изъ обычныхъ 7-сложныхъ стиховъ, теперь, можетъ быть, уже не существующее въ этомъ видѣ,

◡ ◡́ ◡ | –́	◡́ ◡ ◡ | ◡́
алтуным јоk,	кӱмӱшім јоk;
не берӓјін	мӓн саӊа?
Аллаh бергӓн	бір башым;
башырајын	мӓн саӊа

поется въ Казани такъ:

алтыным jyk, kунаҕым, кӱмӱшӱм jyk;
ні бірӱjӱм, kунаҕым, мін сіңа?
Алла да-ҕына бірґän, ej, бӱр башым;
башырыjым, kунаҕым, мін сіңа.

Перенесеннымъ со стороны напѣвомъ объясняется легче всего превращеніе восходящихъ диподій, соотвѣтствующихъ общему характеру турецкаго ударенія, въ нисходящія. Такому измѣненію подвергся напр. 11-сложный стихъ въ слѣдующемъ казанскомъ четверостишіи, соединившись съ необычнымъ у Турокъ 9-сложнымъ:

Moskowлардын Пітäр кӱрӱнä-м-ікäн
wалконларҕа мінӱп бакҕанда?
бізнї сӱjгäн jарлар саҕына-м-ікäн
jалҕыз урынларҕа jатканда?

Какъ въ первой изъ этихъ двухъ казанскихъ пѣсенъ 7-сложный стихъ посредствомъ вставокъ превратился въ 11-сложный, такъ и пѣсня въ барабинской сказкѣ о Козы-Көрпачѣ (т. IV, стр. 11), состоящая изъ стиховъ, равныхъ, по крайней мѣрѣ, числомъ тактовъ 11-сложному, не считая одного и того-же слова, прибавляемаго къ каждому стиху,

пӱгӱндӧ jаман тӱш көрдӱм, палам:
ӱjӱм ардында пај täрäк көрдӱм, палам,
ӱj ӱстӱнӧ jыҕылды, палам;
іжігім алнында сары jылан, палам,
jолыңна созылыш jатты, палам

могла возникнуть преимущественно тѣмъ-же путемъ изъ 7-сложныхъ стиховъ приблизительно такого вида:

бу кӱн көрдім jаман тӱш:
ӱjім ардында бај терäк

ӱј ӱстінӓ јыҕылды,
ӱј алнында јолыңда
сары јылан созылды.

Возвращаясь къ настоящему, данному строю этой пѣсни, съ прибавкой «палам», нельзя не замѣтить, что она уже вышла изъ области стараго преданія и приблизилась къ тому типу, который, безо всякой связи съ прежними образцами, появляется среди различныхъ турецкихъ племенъ, какъ видно напр. изъ слѣдующей *азербайджанской* пѣсни:

каладан галыјӓ бір сӱрӱ којун.
һенналы ӓllӓрін којнума којум.
Аллаһа рӓва-дыр, мӓн сӓннӓн дојум?
ат-ма даш, ат-ма даш: мӓн јаралы-ӓм,
awцідӓн гуртулмыш даҕ маралы-ӓм.
каланын дібіндӓ бір даш олајдым,
гӓlӓнӓ, гедӓнӓ јолдаш олајдым,
баџісі гојчӓјӓ кардаш олајдым!
ат-ма даш

и т. д.

Говоря о большей или меньшей сохранности древнихъ турецкихъ стихотворныхъ размѣровъ, нельзя обойти молчаніемъ погрѣшности противъ ритма или счета слоговъ, зависящія не только отъ ошибокъ издателей въ видѣ пропуска или вставки слоговъ и словъ, но отъ чрезмѣрной послѣдовательности въ примѣненіи одного моднаго теперь орѳографическаго пріема— замѣны повторенныхъ гласныхъ простыми со знакомъ долготы. Такъ напр. безусловно правильные османскіе стихи

каранфіl-ім сарkарым (?),
ачілма'а корkарым

искажаются посредствомъ едва-ли и существующаго ачілмā; вмѣсто 7-сложнаго стиха

kар ја'ар чіні чіні

теорія подноситъ 6-сложный и совершенно неритмичный при помощи будтобы односложнаго jār; изъ 8-сложныхъ стиховъ

девеі деве(j)е чаттым,
ḳілбірін бојнуна аттым

утягивается одинъ слогъ внесеніемъ сокращеннаго на бумагѣ девē; 11-сложный стихъ

Фірар етмек ḳасд етті(j)ім білділер

становится самъ на себя не похожъ изъ-за какого-то еттім. Эта мода зацѣпила и Алтай, разрушая напр. стихъ

Орус піі кӱч ӓмтӱр

и такой-же

Ḳазаḳ піі кӱч ӓмтӱр

подозрительнымъ даже съ морфологической стороны пī. Не менѣе страдаетъ османскій стихъ

gel, ej несім-і сабаḫ

отъ пропуска кесры изафета, и т. п.

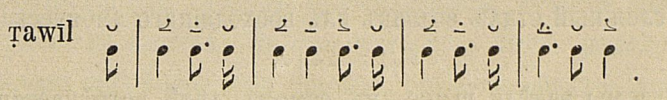
Но, какимъ-бы искаженіямъ ни подвергался въ теченіе вѣковъ исконный турецкій стихотворный размѣръ, не только почти повсемѣстное у Турокъ употребленіе стиховъ ямбическо-трохаическаго строя, а и самая своеобразность такого ритма свидѣтельствуютъ въ пользу глубокой древности 7-сложнаго и 11-сложнаго стиховъ, и при томъ именно этого, а не трохаическаго строя; что же касается взаимнаго отношенія этихъ двухъ размѣровъ по хронологіи, то старшинство слѣдуетъ признать, очевидно, за 7-сложнымъ, болѣе короткимъ, болѣе раçпространеннымъ и встрѣчаемымъ въ древнѣйшихъ памятникахъ турецкой письменности.

Однако едва-ли можно допустить, чтобы такой ритмъ, какъ ямбическо-трохаическій, въ которомъ ритмическія ударенія, хотя-бы они были и не равной силы, не раздѣляются безударными слогами или нотами, а сталкиваются другъ съ другомъ непосредственно, явился у Турокъ сразу, въ противность естественному ходу развитія отъ простѣйшаго къ болѣе сложному. Правда, такую ошибку ритмическихъ ударенiй мы находимъ не у однихъ Турокъ. Такъ у Арійцевъ стихъ ведійской строфы тріштуб῾ основанъ на слѣдующемъ ритмѣ ($^6/_8$):

у Семитовъ арабскіе размѣры перваго Халилева круга, по устраненіи необязательныхъ ирраціональныхъ долготъ, сводятся къ слѣдующимъ схемамъ:

ṭawīl ⏑ – ⏑ – | – ⏑ – ⏑ | – ⏑ – ⏑ | – ⏑ – – (2/4 + 3/4),
басыт ⏑ ⏑ – | ⏑ – ⏑ | – – ⏑ – | ⏑ – ⏑ | – (3/4 + 2/4),
мадīд ⏑ – | – ⏑ – ⏑ | – ⏑ – ⏑ | – – (3/4 + 2/4),

гдѣ всѣ второстепенныя ударенія звучатъ такъ сильно, что носящіе ихъ краткіе слоги по большей части замѣняются долгими, напр. такъ:



Но въ Ведахъ гораздо чаще встрѣчается строфа ануштуб', стихъ которой построенъ на слѣдующемъ ритмѣ:

⏑ – ⏑ | – ⏑ – ⏑ | – ⏑ – ⏑ | – ⏑ – ⏑ | – (6/8),

лежащемъ въ основѣ и наиболѣе употребительнаго у Индійцевъ размѣра çlōka. И представляется вѣроятнымъ, что стихъ тріштуб' произошелъ изъ стиха ануштуб' путемъ отсѣченія первой «стопы» (пāда), т. е. первой восходящей ямбической диподіи, при стяженіи послѣдней долготы перваго полустишія съ первой краткостью второго и предпослѣдней долготы второго со слѣдующей за нею краткостью въ равныя имъ по длительности полуторныя долготы (трімāтра) и при разложеніи первой долготы второго полустишія на двѣ краткости, или, говоря проще,

⏑ – ⏑ | – ⏑ ⏑ – ⏑ | – –

укорочено и стянуто изъ

(⏑ – ⏑ | –) ⏑ – ⏑ | – ⏑ ⏑ – ⏑ | – ⏑ – ⏑ | –.

Размѣры перваго Халилева круга произошли, по видимому, изъ усѣченнаго восходящаго іоническаго диметра (3/4)

⏑ ⏑ | – – ⏑ ⏑ | – (–)

съ пропускомъ паузы въ различныхъ сочетаніяхъ съ отрѣзками этого стиха. Если такъ, ни Индійцы, ни Арабы не дошли прямо до пропуска безударныхъ слоговъ между ударяемыми, а въ тѣхъ стихотворныхъ размѣрахъ, въ которыхъ этотъ пропускъ или соотвѣтствующее ему стяженіе (—вмѣсто ⏑ ⏑) составляетъ необходимую принадлежность ритма, такое нарушеніе плавности ритмическаго хода наступало нѣкогда лишь случайно, то тамъ, то здѣсь, и лишь впослѣдствіи было закрѣплено обычаемъ въ качествѣ по-

стоянной черты даннаго размѣра, какъ у Грековъ такъ называемый пентаметръ или элегическій стихъ

– ◡◡ | – ◡◡ | – (◡◡) | – ◡◡ | – ◡◡ | – (◡◡)

по своему происхожденію есть не что иное, какъ одно изъ случайныхъ видоизмѣненій того стиха, котораго болѣе полный видъ называется гекзаметромъ или героическимъ стихомъ —

– ◡◡ | – ◡◡ | – ◡◡ | – ◡◡ | – ◡◡ | – ⏑.

На основаніи сказаннаго о вѣроятномъ происхожденіи стиховъ тришстуба и Халилева перваго круга можно, казалось-бы, предположить, что турецкій 7-сложный стихъ возникъ изъ восходящаго ямбическаго

◡◡ | ◡◡ | ◡,

который, какъ мы видѣли выше, въ самомъ дѣлѣ встрѣчается у Турокъ. Но противъ такого предположенія говорятъ слѣдующіе факты: 1) этотъ стихъ, какъ было замѣчено тамъ-же, развился, по видимому, изъ 7-сложнаго, и при томъ почти только у южныхъ Турокъ; 2) онъ никогда не мѣняетъ своего движенія на трохаическое, да и не можетъ измѣняться такимъ образомъ по той причинѣ, что при трохаической разстановкѣ ритмическихъ ударенiй послѣдній его слогъ оставался-бы безъ ударенія, что̀, говоря вообще, противорѣчитъ турецкой просодіи, а ямбическо-трохаическій 7-сложный стихъ очень часто становится трохаическимъ. То-же слѣдуетъ замѣтить и о 12-сложномъ стихѣ по отношенію его къ 11-сложному. Остается поискать другого объясненія, хотя-бы для того пришлось ограничиться чистой гипотезой. Да иное объясненіе едва-ли и возможно, потому что вопросъ о пра-турецкомъ стихѣ необходимо ведетъ насъ къ эпохѣ доисторической.

Теорія урало-алтайскаго единства въ послѣднее время сильно поколеблена, но, каковою-бы ни оказалась ея дальнѣйшая судьба въ наукѣ, нельзя отрицать, по крайней мѣрѣ, ни морфологической аналогіи между финно-угорскими и турецкими языками, ни древнихъ и близкихъ взаимныхъ соприкосновеній между говорящими на нихъ народами. Одинъ изъ древнѣйшихъ, если не самый древній, стихотворный размѣръ Финновъ и Угровъ есть нисходящій четырехстопный или, точнѣе, двухстопный ($^4/_4$) трохаическій стихъ, котораго, такъ сказать, идеальная схема представляется въ слѣдующемъ видѣ:

– ◡◡◡ | – ◡◡◡ |,

напр. на языкѣ суоми (съ аллитераціей):

panin aitan parven päähan,
kukkarohon kultasehen,
rasiahan rautasehen,
vaskisehen vakkasehen,

на мадярскомъ:

nézz ki, rózsám, ablakodbul:
most búcsúzom városodbul;
nézz utánam keservesen:
vagy látsz többen vagy soha sem,

гдѣ три случая нѣкотораго противорѣчія между удареніями ритмическимъ и грамматическимъ (всегда на первомъ слогѣ) исправляются въ выговорѣ, особенно при пѣніи, отчасти подчиненіемъ трехсложныхъ и двусложныхъ словъ предшествующимъ словамъ односложнымъ, отчасти долготою ритмически ударяемыхъ слоговъ. Въ большомъ ходу этотъ размѣръ, хотя со многочисленными погрѣшностями противъ согласія обоихъ родовъ ударенія, еще въ наши дни у народа, говорящаго теперь на славянскомъ языкѣ, но ведущаго свое происхожденіе отъ Угровъ,—у Болгаръ, отъ которыхъ, вѣроятно, онъ и перешелъ къ Грекамъ и къ Сербамъ, предпочитающимъ впрочемъ свои, отличные отъ него размѣры. Тотъ-же стихъ есть и у Монголовъ, но, судя по сборнику А. Д. Руднева «Мелодіи монгольскихъ племенъ» (въ «Сборникѣ въ честь семидесятилѣтія Гр. Н. Потанина»), онъ употребляется у нихъ безъ примѣси другихъ размѣровъ только въ 4-стишныхъ строфахъ безъ словъ, напр. № 96[b]; иначе за нимъ слѣдуетъ укороченный стихъ того-же ритма, напр. (№ 31, по напѣву):

хабор чактор чокларакса̀н
хамок сібогай

и т. д., что̀ напоминаетъ складъ малорусской пѣсни

ой, летїла зозуленька
через поле, гай.

Наличность трохаическаго 8-сложнаго стиха у Монголовъ кажется въ данномъ вопросѣ тѣмъ важнѣе, что у нихъ есть и 7-сложный стихъ, правда, исключительно трохаическій, но по особенностямъ употребленія очень близкій къ турецкому, напр. въ слѣдующемъ четверостишіи (№ 32, по напѣву):

муңкон, муңкон бі̀лчогай
маңнайн тёре ҷіргіҷо;
магат міну Ніңгарні, Ніңгарні,
муңке хайралаксан чі.

Впрочемъ принудительнаго значенія всѣ эти сравненія, конечно, имѣть не могутъ, потому что противъ этого четверостишія можно выставить хоть пресловутое

Чижикъ, чижикъ, гдѣ ты былъ,

а противъ 8-сложнаго монгольскаго стиха — такой-же испанскій. Но оба эти размѣра такъ естественны и просты, что для предлагаемой ниже гипотезы можно было-бы обойтись и безъ приведенныхъ сравненій, которыя и помѣщены здѣсь больше въ качествѣ матеріала на всякій случай, нежели въ видѣ доказательства. И такъ, если 8-сложный трохаическій стихъ по своей простотѣ является у чуждыхъ другъ другу народовъ помимо взаимнаго родства или вліянія, вопросъ заключается прежде всего въ томъ, согласовался-ли этотъ стихъ съ физическими свойствами турецкихъ языковъ на столько, чтобы когда-либо могъ занять у Турокъ мѣсто господствующаго стихотворнаго размѣра. Съ точки зрѣнія всѣхъ извѣстныхъ намъ турецкихъ языковъ на этотъ вопросъ можно отвѣчать только отрицательно, потому что свойственное этому стиху женское окончаніе не можетъ быть осуществлено ихъ средствами иначе, какъ при помощи односложныхъ энклитикъ, напр. kылу́р-ман, kыла́-дур, kы́л-ма, что̀ слишкомъ искусственно для народной поэзіи. Но въ эпоху пра-турецкую, къ которой, по видимому, восходитъ даже 7-сложный ямбическо-трохаическій стихъ, не говоря уже о лишь предполагаемомъ 8-сложномъ трохаическомъ, дѣло должно было обстоять иначе, такъ какъ исходящая отъ корня гармонія звуковъ, общая всѣмъ турецкимъ языкамъ и потому, очевидно, унаслѣдованная ими отъ пра-турецкаго, могла возникнуть только при главномъ удареніи на корнѣ. Въ ближайшемъ къ пра-турецкому языкѣ, монгольскомъ, по наблюденіямъ Шмидта, Рамстедта и Руднева, главное удареніе и теперь падаетъ на корень, и эти наблюденія вполнѣ подтверждаются ритмическимъ складомъ монгольскихъ пѣсенъ. При такомъ удареніи напр. османская пѣсенка

бен шу даҕы геџе гечтім,
ејіlендім, сују ічтім

(хотя поется она, можетъ быть, вдвое медленнѣе, въ $^4/_4$) звучала-бы — по возстановленіи древнихъ формъ —

бӓн шу таҕы кечӓ кӓчтім,
ӓδгӱlӓндім, сuwы ічтім,

т. е. въ ритмическомъ отношеніи такъ-же, какъ выше приведенные финно-угорскіе образчики, а османская-же

Істамболун сокаклары
таштан гечілмез

представляла-бы полную параллель къ упомянутой монгольской. Съ такимъ удареніемъ 8-сложный трохаическій стихъ былъ для Турокъ столь-же естественъ, какъ для Финновъ, и естественнѣе, чѣмъ для Испанцевъ, у которыхъ ударение очень часто падаетъ на конечный слогъ.

Но ударение на корнѣ было свойственно пра-турецкому языку только въ древнѣйшую эпоху его существованія, а къ тому времени, когда онъ готовился къ распаденію на отдѣльные языки, ударение въ немъ по большей части уже успѣло передвинуться на концы словъ. Какъ эта перемѣна должна была отразиться на бывшемъ до тѣхъ поръ въ употребленіи 8-сложномъ трохаическомъ стихѣ? Прежде всего пришлось, конечно, отсѣчь его послѣдній слогъ, какъ безударный, вслѣдствіе чего 8-сложный стихъ превратился въ 7-сложный. Впрочемъ это укороченіе могло произойти или кое-когда происходить еще до переноса ударенія на конецъ, такъ какъ въ языкѣ, ударяющемъ первый слогъ, есть ударяемыя односложныя слова и кромѣ того всѣ трехсложныя слова образуютъ дактили, имѣющіе обыкновенно болѣе или менѣе сильное второстепенное ударение на концѣ. Примѣры того и другого можно видѣть въ приведенномъ выше монгольскомъ четверостишіи. Но переносъ ударенія на концы слова потребовалъ перемѣны и въ первой половинѣ стиха, передъ цезурой, — перемѣны нисходящей трохаической диподіи въ восходящую ямбическую. При такомъ ударении монгольское

мана нохој зутулте

или мадярское

ez a pohár bujdosik

получатъ какъ разъ тотъ самый ритмъ, въ которомъ сложена напр. алтайская пословица (т. I, № 75):

ыңыр чыңыр ыңырчак,
ат кулакка амыр јок;
äкі јаман табышса,
äl кулакка амыр јок,

т. е. именно тотъ, который для обще-турецкаго 7-сложнаго стиха несомнѣнно слѣдуетъ признать древнѣйшимъ.

Θ. Коршъ.

2007110867